

Еременко: старший и младший

Геннадий СУХИН

Мой герой — народный и лауреат — неким отвязным журнальчиком определен недавно секс-символом советского экрана амплуа «крутой и нежный» и с уточнением «в одном флаконе»... Впрочем, вся компания «плейбоев», обозначенных сим изданием, из недавнего советского кино и сегодня к молодым фривольно-победительным повесам, кои должны быть эти самые «плейбои», отношение имеет как к... воспоминаниям. А Николай Еременко, по счастью, все еще определяемый как «младший», представляет нынче на экране мафиози, «новых» и «крутых».

«Красное и черное» сделали его «звездой»

— Рано или поздно амплуа «герой-любовник» приходится менять, не говоря уж о зрителях, которым странно было бы видеть меня, нынешнего, в облике, не дай бог, Ромео. Мне и самому наскучило играть то, что давно «отработал». И это нормально. Тем более что с возрастом я и сам стал другим человеком.

— И какой же ты нынче?

— Нормальный мужик! Который многое знает и еще... может. Я знаю, что многое могу! И реализую: почему здоровый, полный сил, не бездарный и не глупый мужик не должен себя реализовать?!

— «Нюанс» моего вопроса в том,

Национальное достояние:

Вег. Москва — 1999 — 4 янв. — с. 4

Герасимов,

ПОТОМ — Я

Николай Еременко-младший не намерен повторять ошибок юности

ем экранном амплуа вдруг появилось нечто...

— А почему Ромео «не дай бог»?

— Меня ни Ромео, ни Гамлет никогда не интересовали. Вот Плюшкин — да! До сих пор обожаю!

Во ВГИКе он играл и Плюшкина, и Звездича, и Флоридора из «Мадмуазель Нитуш»... Но все четыре года готовился к роли сына плотника Сореля, которого зовут Жюльеном: сначала спектакль дипломный, потом — в Студии киноактера, потом — многосерийный телефильм... Во многом, думаю, в «плейбои» он зачислен именно благодаря Жюльену.

— Но я, однако, помню не только твои роли! К примеру, на второй курс, третий и четвертый тебя переводили исключительно «условно»: на доске у деканата регулярно появлялись «взбучки» будущему «плейбою» за прогулы, за «хвосты», за хулиганство... Тем не менее ты защитился ролями Сореля, Августина в водевиле про Нитуш, Алеши в фильме «У озера» на полноценное «отлично»!

— Разумеется, во ВГИК я поступил по блату. Отец свою первую настоящую роль в кино сыграл ведь у Герасимова в «Людях и зверях». Герасимов... Я начал фильмы его смотреть, читать о нем. Когда поступать поехал в Москву, опоздал, к тому же, набирал актерскую мастерскую Бабочкин. Но какой мог быть Белорусский театральный?! Я Москву покорить должен был...

«Еременко Николай Николаевич учился в школе № 63 города Минска с шестого класса. В результате недостаточного прилежания успевал по основным предметам на «3». Комсомолец. Общественные поручения выполнял добросовестно: был старостой 10-го класса, членом редколлегии стенной газеты, активно участвовал в художественной самодеятельности. Читает много. Увлекается театром и кино. Занимается футболом и баскетболом. Имеет веселый, добрый нрав». Это из характеристики, выданной для поступления в вуз.

— «Что вы нам почитаете?» —

Тусовки Николай Николаевич не любит, но случается...

спросил меня Сергей Аполлинариевич на собеседовании. «Заболочко-го», — отвечаю. Он на меня внимательно посмотрел: «Что именно?» — «Грозу». — Он брови поднял: «Ты сам это любишь, мальчик?! Ну прочти, прочти!». И я понял: примут! Ведь отец меня просто заставил выучить это стихотворение: во время съемок Герасимов столько раз бубнил его. Хотя, конечно, мальчишескими своими мозгами я вряд ли понимал тогда всю глубину этого произведения.

Макарова, правда, меня в мастерскую не хотела брать: в тот год нас, «детей», много оказалось — Наташа Бондарчук, Володя Тихонов. Потом мне передали, что Герасимов пообещал «из этого мальчишка» артиста сделать. Хотелся думать, обещание свое он сдержал; я ведь единственным из почти двухсот его выпускников снялся у него аж в шести фильмах: «У озера», «Любить человека», «Красное и черное», «Юность Петра», «В начале славных дел», «Лев Толстой». Больше у него только Тамара Федорова снималась...

Кинодебютом Николая считают роль Алеши («У озера»). Однако, если подойти к понятию «дебют» формально, то лет в двенадцать промелькнул он в «заказухе» от ГАИ. И, между прочим, с мамой — нарушал на улице порядок...

Киносудьба народной артистки Белорусской ССР Галины Александровны Орловой не сложилась: был у нее театр, был муж — известный по театру и кино Еременко Н. Н. — «старший», был сын — герой рассказа... В дебютном фильме режиссера Еременко (который «младший») «Сын отца» ее портрет промелькнул на стене кабинета...

Я, между прочим, в разговорах наших не преминул «уцепить» героя:

— Признаться, ведь боялся ты с отцом сотворчества? Не может быть, чтобы не возникали «варианты»...

— А чего мне бояться-то? Да если по правде, избегал я с ним сотворчества! Но от судьбы не убежишь: нам Валентин Черных принес сценарий с ролями и для «старшего», и для меня. Отцу вот-вот должно было исполниться семьдесят, он показался мне каким-то потухшим. И мне захотелось его хоть встряхнуть. С разговорами о режиссуре я обращался ко всем своим приятелям: кто-то что-то вроде обещал, кто-то исчезал сразу.

В общем, деньги, найденные на постановку, могли улетучиться. И я решил на дебют.

Но я — прежде всего артист, и как только предложили новую роль, тут же забыл и о своих «претензиях» в освоении новой специальности, и о грядущих лаврах в режиссуре. Хотя за свое кино мне не стыдно.

— Ходили слухи, что тебя министром...

— Ну, сыграть министра — ради бога, но быть им — несколько иное. Впервые, пришлось бы бросить профессию, в которой уже чего-то достиг, стать чиновником — этого я не представляю для себя. А во-вторых, я уже и язык белорусский даже забыл: быть министром страны, язык которой ты не знаешь?! Это называется забить гвоздь в собственный гроб, остальные добыть националисты.

В бытность «молодым» и «популярным» он избирался членом рекома комсомола. А V съезд кинотеатрафистов вывел его почти в «политбюро», его избрали членом Правления Союза кинематографистов — Союза, от членства в котором его когда-то отпикнули с формулировкой «универсально-близкой: «До новых значительных работ». А между тем самая значительная из его сорока с «хвостиком» ролей им уже была к тому времени сыграна — лейтенант Володя Дроздовский в фильме «Горячий снег». Он и сам, между прочим, считает эту свою роль в кино лучшей. Популярны, разумеется, Жюльен и стармех в «Пиратах XX века», но лучшая... Именно Дроздовский Володя.

— У тебя скоро юбилей, ты судьбой доволен?

— Творческой? Могу только благодарить господа, что столь благосклонна эта самая судьба ко мне. Житейской? Ну как можно ощущать себя совершенно счастливым в стране совершенно несчастной? Семейной? Семья приобрела уже тот стабильный статус, когда все нервы бури, вытекающие из разницы между «М» и «Ж», уже были и прошли... А поскольку люди мы с женой неглупые, ошибок молодости повторять не хочется.

— В какой из своих картин ты был самым собой?

— Да упаси боже самого себя увидеть на экране!

— Если бы у нас, как в Японии, учредили звание «Человек — национальное достояние», с кого бы начал список?

— Исключительно с себя! Но поскольку я не хочу все-таки быть Ивановым, не помнящим родства, то с Герасимовым-ва!

— Хотел бы кого-то вызвать на дуэль?

— Они и так будут наказаны!